

ЭВОЛЮЦИЯ КИТАЙСКО-КЫРГЫЗСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 2001—2012 гг.: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Мария Данилович

Начало XXI в. характеризовалось активизацией Китайской Народной Республики (КНР) в Центральной Азии. Вектор развития отношений Китая с государствами региона определялся как внутренними задачами урегулирования ситуации в стратегически важном Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) КНР, так и геополитическими изменениями в Центральной Азии после 2001 г. При этом первостепенная роль в «центральноазиатской стратегии» Китая отводилась приграничным государствам региона, одним из которых и является Кыргызская Республика (КР).

В данной статье представлена попытка ситуационного анализа эволюции отношений КНР с КР в 2001—2012 гг. Целью работы стало определение основных этапов реализации центральноазиатской стратегии КНР на кыргызстанском направлении. В задачи, поставленные автором, входило выявление основных тенденций двустороннего взаимодействия; внутренних и внешних для КНР факторов, влиявших на динамику и приоритеты отношений с Кыргызстаном; оценка статистических данных обеих сторон; анализ миграционных тенденций, определение текущего состояния и возможного развития отношений на ближайшую перспективу с учетом попыток реализации в регионе интеграционного проекта Таможенного союза.

В статье рассмотрены ведущие сферы политического и торгово-экономического сотрудничества сторон в 2001—2005 и 2006—2012 гг. В заключении также представлена оценка возможностей изменения китайско-кыргызстанских отношений в ближайшей перспективе.

При проведении исследования были использованы официальные документы в области двусторонних отношений; интервью высшего руководства и дипломатических представителей КР и КНР, официальные статистические данные обеих сторон; архивные материалы; новостные сообщения; работы китайских (А. Тохунбай [3], Пань Чжипин [25]), кыргызстанских (Э. Абдылдаев [2], Г. Турсунбаева [50], А. Жапаров [55]) и казахстанских (Н. Касенова [13], К. Сыроежкин [49]) иссле-

дователей по рассматриваемой теме; результаты проведенных автором опросов экспертов из КНР и КР.

2001—2005 гг. К началу 2000-х гг. основным для КНР вопросом китайско-кыргызстанских отношений оставалась **сфера безопасности**. Главные проблемы относительно границы между странами были решены во второй половине 1990-х гг. по мере активизации связей Китая со своими центральноазиатскими соседями. В соответствии с первым соглашением по спорным участкам от 4 июля 1996 г. 30 % территории перевала Бедел отошли к КНР, пик Победы и Хан-Тенгри остались за КР, равно как и приграничный район Иркештам на юго-востоке Кыргызстана. Участок Жаныжер отошел к КНР [43]. Нерешенная проблема пограничного участка в долине реки Узенгу-Кууш (Узун-Гуш) была официально урегулирована в 1999 г. В соответствии с подписанным 26 августа в Бишкеке главами обоих государств дополнительным соглашением о государственной границе в результате делимитации 30 % спорной территории на высокогорном участке были переданы Китаю [8]. Одновременно был решен вопрос о точке стыка границ КНР, КР и Республики Казахстан [44].

Соответствующий процесс демаркации кыргызско-китайской границы был начат с 2000 г. Политическая элита и пресса КР отреагировала на него болезненно: группа депутатов подала иск в Конституционный Суд о признании незаконной ратификации Парламентом КР соглашений о границе [22]. (Арест одного из депутатов вызвал массовые демонстрации протеста в Аксы 17 марта 2002 г. и в Бишкеке. Майский кризис вокруг ратификации соглашения с Китаем стал причиной отставки премьер-министра К. Бакиева и снижения доверия к президенту А. Акаеву [4, с. 46].) Тем не менее, курс на укрепление отношений КР и КНР был продолжен: визит кыргызского лидера в Пекин завершился подписанием 24 июня характерного двустороннего Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, с акцентом на сотрудничество в области безопасности и обозначением новых сфер взаимодействия государств [51]. Наконец, в сентябре 2004 г. во время визи-

Автор:

Данилович Мария Владимировна — преподаватель кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Тихомиров Александр Валентинович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Шевелёв Дмитрий Леонидович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

та премьер-министра КНР Вэнь Цзябао в Бишкек был подписан окончательный межправительственный Протокол о демаркации линии кыргызско-китайской государственной границы с картой государственной границы в качестве приложения к нему [см.: 3, с. 228]. Таким образом, процесс демаркации был полностью завершён к осени 2004 г. (об этом 17 сентября 2004 г. на заседании комитета по госбезопасности КР сообщил руководитель Отдела региональных проблем аппарата премьер-министра КР С. Аламанов [29]), а следовательно, была окончательно решена первостепенная для КНР проблема в отношениях с КР.

Параллельно с решением вопросов делимитации и демаркации границы развивалось и китайско-кыргызстанское сотрудничество в области безопасности в целом. Для КНР ухудшение ситуации в КР имело крайне отрицательное значение, принимая во внимание общие рубежи обоих государств протяженностью 1071,8 км и особенно соседство густонаселенного юго-запада СУАР и нестабильного юга Кыргызстана. Еще в 2000 г. в связи с событиями в Баткенской области КР председатель КНР Цзян Цземинь в своем письме к кыргызскому президенту А. Акаеву подчеркнул готовность Китая развивать двусторонние отношения в области безопасности и стремление ускорить подписание Договора о борьбе с «тройным злом» в рамках «шанхайской пятерки» [21]. О росте значения безопасности юго-запада для КНР свидетельствовало и увеличение оказанной в данной сфере материальной помощи КР: по материалам китайского исследователя А. Тохунбая, в 1999 г. она составляла 2 млн юаней, но к 2001 г. выросла в 5 раз: 10 млн юаней, или 1,2 млн дол. США [3, с. 226]. Первые двусторонние военные учения (первые антитеррористические учения в рамках ШОС) КНР совместно с КР провела в районе границы в октябре 2002 г., непосредственно после завершения урегулирования пограничных вопросов. Китайская сторона также добилась внесения запрета на деятельность группировок и групп, угрожающих суверенитету, территориальной целостности и безопасности второй стороны, в упомянутый выше Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Как следствие, в ноябре 2003 г. Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ) было объявлено Генеральным прокурором КР международной террористической организацией, деятельность которой запрещена в КР. Одновременно китайская сторона продолжила оказывать содействие пограничной службе центральноазиатского соседа: в августе 2003 г. было подписано соглашение между Пограничной службой КР и Министерством обороны КНР о предоставлении помощи в оснащении техническими средствами, первая часть которых на сумму 244 тыс. дол. США была передана в ноябре того же года [3, с. 128].

Обеспокоенность китайской стороны по поводу вопросов безопасности после 2001 г. была также обусловлена новым фактором — появлением в центральноазиатском регионе сил НАТО и собственно США. Несмотря на заявления о понимании позиции КР по предоставлению кыргызстанской наземной авиабазы «Манас» для сил Антитеррористической коалиции в Афганистане во время двусторонних переговоров с КР, китайская сторона, по свидетельству Э. Абдылдаева, неизменно «твердо и решительно» высказывалась «за определение временных ограничений нахождения авиабазы», а также «против расширения ее мандата за рамки антитеррористической операции» [2]. В Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2002 г. было предусмотрено «участие обоих государств в угрожающих суверенитету и целостности одного из них союзах и объединениях с третьими сторонами», а также обязательство не подписывать с третьими сторонами соответствующие соглашения [51].

События марта 2005 г. в КР оказались непредвиденными для Пекина. Это подтверждают как мнения кыргызских и российских экспертов и политиков [2; 4], так и результаты проведенного автором опроса китайских экспертов-международников. Реакцией на массовые волнения в соседнем государстве стало закрытие китайской границы и эвакуация китайских предпринимателей с территории КР [4, с. 45]. Для китайской стороны крайне важно было выяснить позицию нового руководства КР по главным моментам достигнутых к середине 2000-х гг. договоренностей. В связи с этим Китай не предпринимал первых шагов, ожидая инициатив со стороны КР. В течение года после мартовских событий политические контакты между руководством обоих государств ограничивались короткими протокольными встречами в рамках ШОС в Астане. Как указывал Э. Абдылдаев, подобные встречи имели «ознакомительный» характер и «не могли привести к восстановлению отношений в полном объеме» [2]. Однако курс на выделение средств для улучшения социальной обстановки и условий для торговли в Кыргызстане был продолжен: Китай возобновил поставки помощи в КР на проведение социально-экономических реформ, выделив 85 млн юаней в 2005 г. [48, с.7].

Торгово-экономическое сотрудничество продолжало находиться на уровне, достигнутом во второй половине 1990-х гг., и основывалось на торговле дешевыми китайскими товарами народного потребления и закупках сырья в КР. Вступление КНР в ВТО в декабре 2001 г. обозначило новые перспективы торговли с КР — также членом данной организации с 1998 г. (Как отмечает в своем исследовании Г. Турсунбаева, условия вступления КНР в ВТО предполагали снижение до 9,4 % таможенных тарифов на промышленные товары

(включая лес, бумагу, продукцию химической отрасли, медицинское оборудование) к 2005 г., также было оговорено снятие к 2005 г. таможенных тарифов на продукцию сферы информационных технологий (компьютеры, полупроводники и т. д.), расширение доступа КНР на рынок сельскохозяйственной продукции соседних стран — членов ВТО.) При этом китайским предприятиям, экспортирующим свою продукцию в регион, предоставлялись государственные преференции в виде права прямого экспорта или возврата налогов в зависимости от доли экспорта в обороте товара. (При поставках китайскими предприятиями 50–80 % продукции на экспорт им возвращалось 50–100 % налоговых вычетов [50, с. 95].)

На фоне вступления Китая в ВТО с 2002 г. наблюдается 70 %-ное увеличение ввоза в КР химической продукции (неорганические соединения), электрооборудования, механических установок и запчастей к ним. Основными статьями импорта в КНР из КР оставались (и постоянно росло в объеме) сырье — нержавеющие металлы, кожа, мех, алюминий [3, с. 241].

В целом эксперты из КНР продолжали отмечать проблему низкого качества экспортируемого в Кыргызстан китайского товара, невысокую пропускную способность перевала Торугарт, а также проблему отсутствия китайского банка в Оше — одном из центров китайско-кыргызстанской торговли [3, с. 245]. Товарооборот с соседним государством Китаю предстояло вывести на новый уровень, отвечающий, в первую очередь, стратегии развития западных регионов КНР. Решение первоочередной для безопасности КНР проблемы границ позволило китайской стороне перейти к активизации двусторонних торгово-экономических связей. Китайские инициативы четко обозначились в 2004 г. Во время визита нового премьер-министра КНР Вэнь Цзябао в Бишкек в подписанной Программе сотрудничества на 2004–2014 гг. впервые были

комплексно очерчены направления двустороннего взаимодействия государств: политическая и торгово-экономическая сферы, транспорт и инфраструктура, энергетика и освоение минеральных ресурсов, инвестиции, туризм, научно-техническое и культурно-гуманитарное сотрудничество [33]. При этом приоритет явно отдавался торгово-экономическому взаимодействию и транспортным перевозкам [42]. В 2004 — начале 2005 гг. китайскими экспертами по центральноазиатскому региону также высказывались рекомендации о необходимости развития торговли с КР, включая улучшение методов торговли, перевозок, диверсификацию и рост качества китайских товаров [3, с. 245].

Исходя из данных официальной китайской и кыргызстанской таможенной статистики можно отметить устойчивый рост двусторонней торговли к середине 2000-х гг., в основном за счет китайского экспорта (табл. 1). Согласно государственной статистике КР, к началу 2000-х гг. КНР являлась третьим по величине торговым партнером КР, официально уступая лишь Швейцарии и ОАЭ.

Масштабно прогрессирующая к середине 2000-х гг. разница китайских и кыргызстанских данных подтверждается цифрами, приводившимися послом КНР в КР Чжан Яньнянем в Бишкеке [48, с. 3]. Подобный разрыв в статистической информации можно объяснить высокими объемами «неучтенного» товара в китайско-кыргызстанской торговле, а также проблемой «теневой» экономики КР. В Кыргызстане на перевалочных базах на рынке Дордой, на Баткенском рынке в Бишкеке, на рынке Карасуу в Оше и др., как отмечал в 2005 г. эксперт из КР М. Чаначев, народная торговля самостоятельно «вышла на уровень зон свободной торговли». Как следствие, торговля из розничной стала оптовой, причем к середине 2000-х гг. начался переход к прямым связям китайских производителей и кыргызстанских продавцов [48, с. 9].

Таблица 1

Товарооборот КНР и КР в 2001–2005 гг., млн дол. США

	2001	2002	2003	2004	2005
Объемы товарооборота (по данным официальной статистики КР)	67,9	100,1	101,0	119,4	129,5
Удельный вес в государственном товарообороте КР (по данным официальной статистики КР), %	7,2	9,3	7,8	7,1	7,3
Объемы товарооборота (по данным официальной таможенной статистики КНР)	120,0	201,9	314,3	602,3	972,3
Импорт из КНР в КР (по данным официальной статистики КР)	48,5	59,1	77,7	80,1	102,9
Экспорт из КНР в КР (по данным официальной таможенной статистики КНР)	80,0	146,2	245,2	492,7	867,2
Экспорт из КР в КНР (по данным официальной статистики КР)	19,4	41,01	23,3	39,3	26,6
Импорт из КР в КНР (по данным официальной таможенной статистики КНР)	40,0	55,7	69,1	109,6	105,1

Источник: [18; 19; 49, с. 366].

Экономическая помощь Китая Кыргызстану в рассматриваемый период, исходя из данных Министерства экономики КР, которые приводит в своей работе Н. Касенова, в 2000—2001 гг. равнялась 1,82 млн дол., то в 2002—2004 гг. составила уже 7,248 млн дол. США [13, с. 22], т. е. увеличилась почти в 4 раза. Выделяемая КНР экономическая поддержка была неразрывно связана с деловыми интересами Китая за рубежом и, что является признанным на экспертном уровне фактом, определялась государственной экономической стратегией «выхода вовне» (*zou chuqu*).

Совместные китайско-кыргызстанские проекты, осуществлявшиеся в КР при поддержке КНР, были не всегда успешными. Так, в 2002 г. начала работу картонно-бумажная фабрика в Токмаке, считавшаяся в КР «образцом» совместного производства с КНР. Проект осуществлялся в 2000—2002 гг. при финансировании китайской стороны в форме правительственного займа в 7,4 млн дол. США, с предоставлением кредита от Эксимбанка на сумму в 14,7 млн дол. [49, с. 115]. Однако производство было приостановлено уже к 2005 г. по причине «отсутствия взаимопонимания китайской и кыргызской сторон» [48, с. 3]. Китайской корпорацией «Дунъюй» было инвестировано 28,3 млн сомов в спичечную фабрику «СП Алоолон», но предприятие также остановило производство к середине 2000-х гг. из-за отсутствия оборотных и финансовых средств для обновления устаревших производственных технологий. Помимо этого, на китайские вложения было обновлено производство на АО «Салкын» (Беловодский пивзавод) в Чуйской области [48, с. 3]. Данные примеры свидетельствуют о том, что в первой половине 2000-х гг. прямые китайские инвестиции в КР не были крупными. Они составили, по данным статистики КР, 2,5 млн дол. США в 2001 г., 8,5 млн дол. в 2002 г., 14,6 млн дол. в 2003 г., 6,8 млн дол. в 2004 г., 4,5 млн дол. в 2005 г. Всего к 2004 г. в Кыргызстане действовало 190 небольших предприятий с китайскими инвестициями (из них около 70 в Бишкеке, остальные — в южных районах КР [48, с. 3]), а также 104 предприятия с полным участием китайской стороны [19, с. 310]. Факты свидетельствуют о том, что Китай не спешил приходить в КР с крупными проектами и инвестициями, в основном наращивая свой экспорт в соседнюю страну. Это было связано как с проблемами инвестиционного климата КР, неразвитостью транспортной инфраструктуры, так и непосредственно с политикой китайской стороны, стремившейся решить собственную проблему с рабочими местами в Китае и реализацией готовой китайской продукции. Китайский бизнес не был заинтересован в создании крупных производственных объектов в КР, равно как и в передаче технологий партнерам из Кыргызстана.

Аналогичные причины обусловили отсутствие ощутимой динамики сотрудничества в области **энергетики** и **горнодобывающей отрасли** в 2001—2005 гг. Взаимодействие в области энергетики было декларировано соответствующим Рамочным соглашением 2002 г. и вновь заявлено в Программе сотрудничества на 2004—2014 гг. Хотя в 2004 г. стороны договорились о совместном строительстве двух ГЭС на р. Нарын с объемом инвестиций около 2 млрд дол. США, однако соглашения были аннулированы весной 2005 г. по причине внутривластного кризиса в КР [13, с. 24]. После начала в 2000 г. закупок Китаем драгоценных металлов вплоть до середины десятилетия китайская сторона периодически высказывала заинтересованность в разработке кыргызстанских золоторудных месторождений (Талды-Булак, Джеруй, Терек-Сай), однако оговаривавшиеся сторонами во время переговоров крупные вложения в горнодобывающую отрасль не были сделаны. Сходная тенденция наблюдалась и в нефтедобывающей отрасли [48, с. 3].

В области **транспортно-логистических проектов** сотрудничество также развивалось довольно медленно. После достижения общего урегулирования по южным границам с 2000 г. начались работы по реабилитации автомобильной дороги Ош—Сары-Таш—Иркештам, в 2002 г. в Иркештаме был открыт контрольно-пропускной пункт (КПП) [4, с. 77]. Однако дорожное строительство затянулось. Подобная ситуация сложилась и вокруг проекта железной дороги Китай—Кыргызстан—Узбекистан (из синьцзянского Кашгара в узбекскую часть Ферганской долины, с участком Торугарт—Узген—Карасуу длиной 268 км на территории КР), обсуждавшегося еще с конца 1990-х гг. При этом, если автодорога от китайской границы в Оше в целом отвечала требованиям развития торговли, то проект железной дороги с выходом в Узбекистан, несмотря на потенциально больший объем перевозимых товаров, непосредственно затрагивал интересы безопасности западных районов КНР. Во время переговоров китайская сторона неизменно откладывала рассмотрение инициированного КР вопроса о железной дороге, что, по мнению известного кыргызстанского эксперта по КНР М. Иманалиева, означало «вежливый отказ» [48, с. 9].

В целом складывается впечатление, что в первой половине 2000-х гг. стратегия КНР была основана на первоочередном решении вопросов безопасности, приоритетном с 2004 г. наращивании торговли с КР в целях ускоренного развития неблагоденственного СУАРа и обозначении иных сфер сотрудничества на будущее, в зависимости от интересов китайского бизнеса и перспектив инвестиционного и внутривластного климата в КР. После урегулирования пограничных вопросов новой важ-

ной проблемой для КНР, с точки зрения государственной безопасности, стало наличие в КР американской авиабазы.

Культурно-гуманитарное сотрудничество в указанный период также находилось на стадии становления. Первое Соглашение о сотрудничестве сторон в области образования было достигнуто в 2001 г. во время визита в КНР министра образования и культуры КР. В 2002 г. в Бишкекском гуманитарном университете был впервые открыт центр китайского языка. Увеличивался интерес и потребность граждан КР в его изучении, что свидетельствовало о явном расширении экономических и иных связей с восточным соседом. Для китайской стороны были крайне важны положительный имидж КНР и собственно СУАР в глазах граждан КР, преодоление традиционной «китайской угрозы» в восприятии населения региона. В рамках этого направления в 2004 г. было заключено двустороннее соглашение о сотрудничестве в области радио- и телевещания: с октября 2004 г. в КР начались трансляции радиостанции СУАР «Голос Китая» и одноименного телеканала о Китае на кыргызском языке. В определенной мере символичным было и появление в Бишкеке проспекта Дэн Сяопина в августе 2004 г. [3, с. 235]. Судя по всему, стратегические приоритеты в отношении КР были обозначены в Пекине именно к 2004 г.

2006—2012 гг. Как отмечалось выше, после резкого изменения политической ситуации в КР весной 2005 г. китайская сторона заняла выжидательную позицию, не проявляя серьезных инициатив в двустороннем сотрудничестве. Будущее достигнутых соглашений зависело от предпочтений нового руководства КР. Представители последнего продолжили курс на развитие отношений с Китаем. Первый визит президента КР К. Бакиева в КНР состоялся в октябре 2006 г. По его результатам были декларированы приверженность заключенным ранее основным договоренностям и поддержке политики «одного Китая»; стороны вновь объявили «борьбу с террористическими силами "Восточного Туркестана"» важной составляющей международной антитеррористической борьбы» [40]. Таким образом, во второй половине 2006 г. произошло возобновление китайско-кыргызстанских контактов на высшем уровне, официальный межгосударственный **политический диалог** был восстановлен и Пекин получил ожидаемые гарантии сохранения прежних позиций КР в отношении Китая.

Несмотря на кратковременный «шпионский скандал» в КР весной 2007 г., политическое взаимодействие государств продолжало укрепляться. Новый пакет документов, подписанный в ходе первого в рамках саммита ШОС государственного визита председателя КНР Ху Цзиньтао в августе 2007 г., вклю-

чал соглашения по технико-экономическому взаимодействию и образованию. Китайская сторона вновь расставила приоритеты в сотрудничестве: в то время как президент КР выразил заинтересованность в развитии торгово-экономического сектора и реализации широкого спектра совместных проектов в области производства, гидроэнергетики, транспорта и инфраструктуры, телекоммуникаций, связи, разработки и освоения нефтегазовых месторождений и полезных ископаемых, китайская сторона официально продолжала выделять сотрудничество в сфере безопасности в качестве первоочередного [2]. Сохранение и усиление военного контингента НАТО в регионе продолжали беспокоить Пекин, а крупные совместные проекты способствовали стабилизации внутригосударственной обстановки в КР. В итоге лидеры декларировали основные обязательства сторон, подтвержденные годом ранее. В то же время была отдельно отмечена необходимость развития более тесного сотрудничества по борьбе с незаконной миграцией, трансграничной преступностью, а также расширения контактов между военными ведомствами [39, п. 7], что полностью отвечало китайским интересам. Вопрос об американской авиабазе не нашел официального отражения.

Политическое взаимодействие в 2008—2010 гг. проходило под знаком мирового экономического кризиса, в очередной раз выявившего неразделимость политики и экономики в современных международных отношениях. Ежегодно китайская сторона принимала в Пекине министров иностранных дел КР. В 2009 г. итогом визита премьер-министра КР И. Чудилова стали новые соглашения в области льготного кредитования, транспорта и материальной помощи КР [28]. КНР в целом использовала свое преимущество в сложившейся ситуации, наращивая торгово-экономическое присутствие в соседнем государстве и усиливая его кредитную зависимость. К концу десятилетия политический диалог перешел в экономическую плоскость.

Возможно, по этой причине политический кризис в апреле 2010 г. не оказал значительного воздействия на отношения между сторонами. КНР заявила о невмешательстве во внутренние дела КР и о готовности сотрудничать с новым руководством, не закрывая границ [4, с. 45]. Первый визит в КНР на уровне министра иностранных дел состоялся в конце августа. На встречах Р. Казакбаева с китайским коллегой Ян Цзечи, заместителем председателя КНР Си Цзиньпином, заместителем министра коммерции КНР Гао Хучэнем и председателем правления Банка развития Китая Чэнь Юанем обсуждалось дальнейшее сотрудничество во всех обозначенных ранее сферах. Курс КНР в отношении КР оставался прежним. По результатам визита была выделена межпра-

вительственная помощь в размере 30 млн юаней на приобретение КР сельскохозяйственной техники [28].

Первая поездка в КНР президента КР Р. Отунбаевой состоялась в сентябре 2011 г. в рамках международной выставки ЭКСПО «Китай—Евразия». Китайская сторона в лице первого вице-премьера Госсовета Ли Кэцзяна подтвердила заинтересованность в активизации двусторонних связей. Было подписано соглашение о предоставлении Китаем на грантовой основе очередного льготного кредита на 100 млн юаней [28].

Однако к 2012 г. на фоне перспектив изменения региональной ситуации в связи с афганской проблематикой вновь усилилось **сотрудничество в области безопасности**. В феврале в Пекине на уровне Министерства общественной безопасности КНР и Государственной службы Кыргызстана по контролю над наркотиками было подписано Соглашение о сотрудничестве в области борьбы с незаконным оборотом и злоупотреблением наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. На совещании глав советов национальной безопасности ШОС в апреле была достигнута договоренность о безвозмездном выделении КНР 20 млн юаней (3,2 млн дол. США) на нужды правоохранительных органов КР. Вопросы региональной безопасности и расширение сотрудничества в данной сфере обсуждались в ходе апрельского визита министра обороны КР генерал-майора Т. Омуралиева в Пекин и ответного визита начальника Генерального штаба Китая генерал-полковник Ма Сяотяня в июне 2012 г. Министерством обороны Китая были безвозмездно предоставлены средства на сумму 70 млн юаней (10 млн дол. США) для строительства жилых домов для военнослужащих КР [28].

Безопасность стала ведущей темой и в ходе официальных переговоров президента КР А. Атамбаева с председателем КНР Ху Цзиньтао во время визита в Китай в июне 2012 г. Лидеры обоих государств в Совместной декларации помимо традиционным подтверждением основных договоренностей отдельно отметили важность сотрудничества в области безопасности, «не направленного против третьих стран», а также важность «эффективных мер по борьбе с незаконной миграцией», «укрепления конструктивного диалога по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» и «сотрудничества прилегающих районов двух стран» [41]. Выделенные сферы взаимодействия непосредственно связаны с безопасностью северо-запада КНР. В обозримом будущем эта ситуация сохранится.

Смена власти в Кыргызстане в 2005 г. не повлияла существенным образом и на двустороннее **торгово-экономическое сотрудничество**. Более того, официальные данные китайской и кыргызстанской статистики 2006—2012 гг. позволяют предположить, что наращивание товарооборота с китайской стороны после волны «цветных революций» на пространстве СНГ происходило все более массированно. Максимальные показатели при этом пришли на 2008 г. Впечатляющее расхождение статистических данных обоих государств свидетельствует о сохранении и прогрессировании в двусторонней торговле и непосредственно внутри самой КР «теневых» тенденций, обогнавших в предыдущем периоде.

Серьезное снижение официального товарооборота на фоне мирового кризиса, затронувшего КР, было преодолено к 2012 г. за счет наращивания ввоза товаров из КНР. При этом, по китай-

Таблица 2

Товарооборот КНР и КР в 2006—2012 гг., млн дол. США

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012 (январь—июнь)
Объемы товарооборота (по данным официальной статистики КР)	283,8	417,4	772,6	643,1	694,6	967,7	479,4
Удельный вес в товарообороте КР (по данным официальной статистики КР), %	10	10	13	14	14	16	16
Объемы товарооборота (по данным официальной таможенной статистики КНР)	2225,7	3779,1	9333,4	5329,6	4199,7	4976,4	2144,6
Импорт из КНР в КР (по данным официальной статистики КР)	245,7	355,6	728,2	623,7	666,4	924,6	455,6
Экспорт из КНР в КР (по данным официальной таможенной статистики КНР)	2112,8	3665,5	9212,1	5278,5	4127,8	4878,2	2110,3
Экспорт из КР в КНР (по данным официальной статистики КР)	38,1	62,9	44,4	19,5	28,61	43,1	23,8
Импорт из КР в КНР (по данным официальной таможенной статистики КНР)	112,9	113,6	121,3	49,2	71,9	98,1	34,3

Источники: [6; 24; 38; 45—47; 49, с. 366].

ским данным, наблюдалось более чем 20 %-ное падение товарооборота в 2010 г. (за счет снижения китайского экспорта на фоне внутренней нестабильности в КР). В дальнейшем тенденция роста ввоза китайских товаров была восстановлена, однако товарооборот не смог достичь максимальных докризисных показателей.

В структуре импорта из КНР, по официальным данным статистических служб КР, в рассматриваемый период наблюдался рост, в первую очередь, доли текстильной пряжи (от 0,1 % в 2006 г. до 10 % в 2010 г. в стоимостном, или в 12 раз в натуральном, выражении), предметов одежды (соответственно от 4 до 15 %), обуви (соответственно от 2 до 5 %). В качестве тенденции можно выделить и преобладание товаров из СУАР (около 70 %). В то же время существенно снизился ввоз технического оборудования для предприятий КР: оборудования для целлюлозно-бумажной промышленности (от 3118 до 2 единиц в натуральном выражении), машин для обработки пищевых продуктов, резины и пластмасс и т. п., что объяснимо новыми тенденциями в развитии совместного производства. В вывозе товаров в Китай традиционно преобладало сырье: металлический лом, кожа, шерсть, шкуры крупного рогатого скота, алюминий [6]. В целом, приведенные цифры свидетельствуют об односторонней тенденции роста импорта из Китая (в основном в целях реэкспорта в страны региона и Российскую Федерацию) и спада вывоза товаров КР в КНР. При этом сложно не согласиться с мнением ряда центральноазиатских экспертов о том, что Кыргызстан в течение десятилетия стал перевалочной базой для сбыта товаров из Китая в центральноазиатские и другие страны СНГ [13; 48; 49].

Росту товарооборота с КР и странами региона было направлено содействовать и решение об открытии Кашгарской СЭЗ на созданном в мае 2010 г. ЦК КПК и Госсоветом КНР Центральном рабочем совещании по развитию Синьцзяна [52]. По сообщениям прессы СУАР, данный проект (под лозунгом «Шэньчжэнь на востоке, Кашгар на западе») подразумевал создание СЭЗ как экономического

центра Центральной и Южной Азии на юго-западе автономного района, близ КПП «Иркештам» и «Торугарт» [52]. В Кашгарском округе и Кызылсу-Кыргызской автономной области СУАР было развернуто строительство объектов инфраструктуры, производство локомотивов. На 2012 г. подписаны договоренности с 40 крупными китайскими компаниями о вложении в проект СЭЗ более 18 млрд юаней. Официальные цели проекта — увеличение ВВП на душу населения отстающего региона в показателях более 22 % прироста в год к 2015 г. и выход на общегосударственный уровень развития к 2020 г. О внимании, уделяемом в КНР данному проекту, свидетельствует и открытие в Пекине в декабре 2011 г. специализированного «мозгового центра» — Исследовательского института стратегического развития СЭЗ «Кашгар» [37].

Вполне логично, что для развития СЭЗ «Кашгар» стратегически значимыми являются активные **транспортно-логистические связи** с приграничными государствами: Пакистаном, Таджикистаном и собственно Кыргызстаном. При этом со второй половины 2000-х гг., по доступным данным Министерства транспорта и коммуникации КР, наблюдается рост пропускной способности китайско-кыргызских КПП от 348 тыс. т в 2005 г. до 678 тыс. т в 2009 г. (подробные изменения динамики перевозок в 2005—2009 гг. см. в табл. 3).

Разница в пропускных способностях КПП обусловлена как природными условиями (южный маршрут проходит по более сложному рельефу), так и общим состоянием автодорог округа в рассматриваемый период. С марта 2011 г. в рамках государственного плана КНР в округе развернуто строительство высокоскоростной автомагистрали Кашгар—Иркештам длиной 213,9 км — стартового участка АН65 в азиатской дорожной сети Кашгар—Иркештам—Сары-Таш—(Ош)—Карамык—Кофирниган—Душанбе—Турсунзаде—Термез [14]. Строительство оценивается в 4,2 млрд юаней и подразумевает также соединение КПП «Иркештам» и «Торугарт». Завершение проекта запланировано к ноябрю 2013 г., что также сви-

Таблица 3

Грузы, перевезенные через КПП Торугарт и Иркештам в 2005—2009 гг., тыс. т

	2005	2006	2007	2008	2009
Заезд в КНР автомобилей КР	64,5	112,5	71,4	91,8	25,9
Через КПП Торугарт	53,4	78,3	45,0	72,9	23,7
Через КПП Иркештам	11,1	34,1	26,4	18,9	2,2
Выезд из КНР автомобилей КР	261,9	199,3	238,2	364,6	281,1
Через КПП Торугарт	146,5	122,2	172,2	159,6	125,8
Через КПП Иркештам	115,4	77,1	66,0	204,9	155,4
Заезд в КР автомобилей КНР	21,9	121,5	230,2	511,2	369,1
Через КПП Торугарт	21,9	121,5	206,7	316,8	183,8
Через КПП Иркештам	0	0	23,4	194,5	185,3
Всего	348,3	433,2	540,2	971,2	678,0

Источник: [35, с. 23].

детельствует о важности развития транспортных коммуникаций с центральноазиатскими странами. Высокоскоростная автомагистраль призвана значительно увеличить пропускную способность обоих КПП. Запланированные к осени 2012 г. работы в целом завершены, что подтверждается личными наблюдениями автора при посещении, а также опросе китайских экспертов и представителей руководства Кашгарского округа.

Вторая половина 2000-х гг. связана также с ускорением реализации **транспортно-логистических проектов** на территории КР с участием китайской стороны. По свидетельству посла КНР в Кыргызской Республике Ван Кайвэня, значимость транспортного коридора через Кыргызстан в Европу и на Ближний Восток во многом обусловлена перегрузкой транссибирского коридора, КПП в Маньчжурии и китайско-казахстанских КПП. С 2007 г. наблюдается активизация реабилитации стратегически значимой для развития транспортных коммуникаций КНР и КР автодороги Ош—Сары-Таш—Иркештам при финансовом участии Азиатского банка развития (АБР), Исламского банка развития (ИБР), Эксимбанка и Государственного банка развития Китая. При этом Эксимбанк предоставил кыргызской стороне самый крупный льготный кредит в размере 75,3 млн дол. США [34], а Государственный банк развития Китая выделил на строительство 25,3 млн дол. США [30]. Основным подрядчиком проекта стала Китайская корпорация по строительству дорог и мостов (*China Road and Bridge Corporation*). По официальным данным, реабилитация автодороги Ош—Сары-Таш—Иркештам полностью завершена в октябре 2012 г. [10].

Второй крупный транспортно-логистический проект с участием китайской стороны — реабилитация автодороги Бишкек—Нарын—Торугарт (500 км). На льготный кредит Эксимбанка (200 млн дол. США) в мае 2010 г. начато строительство участка автодороги на территориях Чуйской, Иссык-Кульской и Нарынской областей. Подрядчиком выступает Китайская корпорация по строительству дорог и мостов. Проект запланирован к завершению в декабре 2012 г. [7]. По состоянию на ноябрь 2012 г. подрядчиком выполнено более 74 % всех работ [23]. Тот же подрядчик приступил к реабилитации ряда других участков дороги под финансирование АБР, с запланированным завершением работ к 2014 г. [27].

Кроме того, Китайская корпорация по строительству дорог и мостов с октября 2008 г. по ноябрь 2012 г. выполняла работы по объявленной в 2007 г. реконструкции дороги Сары-Таш—Карамык под финансирование АБР [17]. Данная автотрасса является важной составляющей региональной дорожной сети Центральной Азии, соединяя КР (и КНР) с Таджикистаном, равно как и с частью Азиатской дорожной сети, связывающей порты Ирана и КР.

Помимо автодорог, экономически более выгодной и эффективной является транспортировка товаров по железнодорожному пути. В настоящее время перевозки китайских товаров в страны региона по железнодорожным линиям осуществляются через Казахстан. Однако сохраняется проблема ширины колеи (1435 мм в КНР и 1520 мм в СНГ). Строительство железной дороги из СУАР в КР (и далее в Узбекистан) производится, таким образом, в интересах как Китая, так и Кыргызстана. Лоббирование строительства железнодорожных путей на протяжении десятилетия осуществлялось кыргызской стороной, для которой крайне важно соединение не только юга страны с соседними государствами, но и наличие железнодорожной коммуникации северных и южных районов. Внимание на проекте было вновь акцентировано во второй половине 2000-х гг.: в 2006 г. КНР выделила грант в размере 2,12 млн дол. США на предварительные оценки проекта, предложив кредит на строительство (1,12 млрд дол. США) в обмен на доступ к минеральным ресурсам КР [13, с. 23]. Однако окончательное решение о строительстве не было принято, проект лишь продолжал регулярно упоминаться в совместных декларациях. В 2012 г. стороны ограничились поручением соответствующим ведомством двух стран «укрепить связь и координацию» [41] и завершить подготовку ТЭО к апрелю 2013 г. Оценка стоимости проекта возросла до 2 млрд дол. США [12]. Проблема обострения ситуации в соседнем государстве, потенциальная напряженность в регионе, иранский вопрос, узбекско-кыргызские противоречия и вопросы вокруг окупаемости проекта заставляют китайскую сторону тщательно взвешивать соотношение экономических выгод железнодорожной магистрали и угроз безопасности для проблемного СУАР. Растущий интерес китайской стороны к проекту свидетельствует о том, что в перспективе она может пойти навстречу Кыргызстану в осуществлении строительства, используя в качестве предмета торга ширину колеи или же маршрут на территории КР.

В рассматриваемый период объемы **грантов и кредитов** Китая КР были увеличены. Выделение ежегодного 50-миллионного гранта в юанях (7 млн дол. США) Кыргызстану было возобновлено с 2006 г. [49, с. 113]. Оказание помощи продолжалось и при последовавшей смене режима. В 2011 г. китайская сторона заявила о предоставлении КР безвозмездного гранта в 100 млн юаней (15,5 млн дол. США). В 2012 г. КНР расширила безвозмездные гранты на подготовку государственных кадров КР (5 млн юаней), на нужды правоохранительных органов КР (20 млн юаней, или 3,2 млн дол. США) [32]. В сентябре 2012 г. китайская сторона заявила о готовности выделить КР льготный кредит в размере 100 млн дол. США для строительства автодороги Ош—Баткен—

Исфана [1]. Стабильность западного соседа неизменно является важным фактором поддержания спокойствия на приграничной территории Китая.

Как было отмечено выше, в первой половине 2000-х гг. предприятия с китайскими **инвестициями** в КР были небольшими, крупных китайских вложений в кыргызскую экономику не наблюдалось. Несмотря на все попытки привлечь серьезные инвестиции, после 2005 г. китайские предприниматели, оценивая риски вложений в предприятия соседнего государства, не активизировались в осуществлении крупных проектов, продолжая делать ставку на мелкие и средние частные фирмы, сбыт готовой продукции в КР и далее в регионе. По данным китайского посла в КР Ван Кайвэня, к 2011 г. насчитывалось 200 мелких и средних предприятий [30]. Среди завершенных крупных совместных проектов — цементный завод в г. Кызыл-Кия в «проблемном» Баткенском районе (строительство в 2006—2009 гг.) [13, с. 23]. По информации, приводимой Г. Турсунбаевой, к концу 2000-х гг. в Бишкеке функционировало 6 крупных китайских заводов (по производству стройматериалов: кирпича, металлочерепицы, профилей, пластиковых окон и дверей, и по сборке телевизоров). В СЭЗ «Нарын» было зарегистрировано два крупных СП [50, с. 102]. Новое руководство КР продолжило линию на привлечение масштабных китайских инвестиций в создание совместных производств — в целом не слишком успешную. В 2012 г. предметом переговоров стало строительство в КР машинно-тракторных и цементного заводов, предприятий по производству азотных удобрений в Таш-Кумыре, текстиля, по переработке хлопка, а также нефтеперерабатывающего завода в Кара-Балте [1]. Большинство проектов остаются на стадии предварительного согласования, некоторые из них (строительство цементного, нефтеперерабатывающего завода) начаты.

В **энергетической отрасли** с 2006 г. кыргызская сторона продолжила переговоры по проектам экспорта электроэнергии в СУАР, которые, однако, не имели успеха вплоть до 2008 г. Последовавший энергетический кризис КР стал прямым подтверждением опасений китайцев [2]. Китайская сторона продолжала откладывать решение поднимаемого официальными представителями КР вопроса о возведении линии электропередач (ЛЭП) КР—КНР. При разрыве энергосетей севера и юга страны, в условиях объявления соседним Казахстаном в конце 2011 г. намерений о выходе из Объединенной энергетической системы Центральной Азии в Кыргызстане активизировались поиски инвесторов строительства подстанции «Датка» на 500 кВ в Джалал-Абадской области и ЛЭП «Датка-Кемин», связывающей юг и север страны. В июне 2012 г. Экимбан-

ком Китая было подписано соглашение о выделении соответствующего льготного кредита в 390 млн дол. США, ратифицированное кыргызским парламентом [16]. Китайская компания *TBEA (Tebian Electric Apparatus Stock Co)* согласилась выступить подрядчиком проекта, подписав в сентябре 2012 г. соответствующий меморандум с ОАО «Национальная электрическая сеть Кыргызстана» [1].

Большой интерес китайская сторона проявила к **горнодобывающей отрасли** Кыргызстана, вкладывая в нее крупные инвестиции. В декабре 2007 г. молодая китайская компания *Shen Zhou Mining & Resources* приобрела за 10 млн дол. США золотые и медные прииски на западе страны [50, с. 148]. В феврале 2008 г. госкомпания *Lingbao Gold* за 23 млн дол. США приобрела права на разработку месторождения золота Иштамберды в Чаткальском районе Джалал-Абадской области — с ресурсами, оцененными в 79,5 т. Кыргызско-китайская инвестиционная компания *Di An* начала разработки по добыче россыпного золота на месторождении Терек-Сай Джалал-Абадской области, а также разведку коренного золота на месторождении Кумбель в Нарынской области. Разведку золота, меди, вольфрама, урана, цветных металлов и драгоценных камней начали осуществлять китайские инвестиционные компании *Kaidi* (Ошская область), *Hai Xing*, *Hua-er* [50, с. 103]. Однако в данной отрасли также возник ряд вопросов, связанных с настроениями общественности Кыргызстана и отсутствием достоверного информационного освещения китайских вложений. Широкое распространение получила информация о применении сторонами схемы «ресурсы взамен инвестиций» (разработка горнорудных месторождений в обмен на вложения в сферу инфраструктуры). Так, упомянутые выше вложения Государственно-банка развития Китая в строительство автодороги Ош—Сары-Таш—Иркештам подразумевали последующую разработку китайской компанией *Full Gold Mining* (дочерней компании *Lingbao Gold*) месторождения Иштамберды [34]. В 2011 г. *Full Gold Mining* действительно развернула добычу на указанном месторождении [54]. Последовавшие митинги местных жителей против ухудшения экологической обстановки [31], выступления оппозиции и активистов различных течений против намерений кыргызстанских властей «отдать» государство «в руки» китайских инвесторов [15], а также протестные настроения по поводу нелегальной работы сотрудников из КНР на золоторудном месторождении Талдыбулак Левобережный [30] в определенной мере иллюстрируют складывающуюся атмосферу взаимодействия КНР и КР в данной отрасли. В целом точная информация о месторождениях, вокруг которых велись и ведутся двусторонние переговоры, не открыта для широкого доступа Государственным агентством по геологии и ми-

неральным ресурсам при правительстве КР и иными официальными структурами и является несколько противоречивой.

Наряду с восстановлением политического доверия, развитием торговли и вложениями в транспортно-логистические проекты и разработку минеральных ресурсов КР во второй половине 2000-х гг. Китай усилил ставку на «мягкую силу» и создание позитивного образа Китая в центральноазиатской республике. С 2006 г. КНР увеличила квоты для студентов и стажеров из Кыргызстана [50, с. 103]. Весной 2008 г. китайская сторона безвозмездно поставила в Ош и Бишкек партию автобусов (183 ед.) общей стоимостью 8 млн дол. США. В 2008—2009 гг., в соответствии с соглашением между Министерством транспорта и коммуникации КР и Компанией по международному экономическому и техническому сотрудничеству Китайского радио и телевидения, более 4,5 тыс. малоимущих жителей Баткенской области получили ресиверы в рамках проекта по внедрению цифрового телевидения на грант правительства КНР [5]. После событий в КР весной 2010 г. в свете возникшей проблемы восстановления пострадавших населенных пунктов юга Китая в рамках ШОС был предложен проект строительства микрорайона ШОС на 7 тыс. жителей в Оше. Предварительное согласие китайской стороной было дано, «изучение вопроса» о строительстве микрорайона продекларировано лидерами КНР и КР во время визита А. Атамбаева в Пекин в 2012 г. [41].

Отдельная **сфера культурно-гуманитарного сотрудничества**, в которой наблюдается активизация КНР, — изучение китайского языка и культуры в КР. Как отмечает Г. Турсунбаева, вторая половина 2000-х гг. характеризуется значительным ростом групп китаеведения в Кыргызском национальном и Бишкекском гуманитарном университетах [50, с. 110]. В октябре 2007 г. между Бишкекским гуманитарным университетом и Госкомитетом по изучению китайского языка за рубежом (*Han ban*) было подписано Соглашение о создании первого в КР Института Конфуция при этом университете. В свою очередь, Институт заключил договоры об обучении китайскому языку с Дипломатической академией при МИД КР, Кыргызской государственной юридической академией, средней школой им. Кирова и другими учреждениями образования КР [11]. «Мягкая сила» в подобной форме ориентирована на сближение новых поколений обоих государств и одновременное снятие традиционной «китайской угрозы» в восприятии кыргызстанцев.

Отдельной проблемой китайско-кыргызстанских отношений в указанный период стали **миграционные потоки** между двумя государствами. При этом ведущим является китайско-кыргызстанский миграционный

вектор. Ряд центральноазиатских экспертов отмечают тенденцию нарастания миграции в КР из КНР во второй половине 2000-х гг. [13; 49; 55], схожий результат дал и опрос автором экспертов Кыргызстана.

Как было указано выше, на местах разработки полезных ископаемых граждане КР мотивируют свои антикитайские настроения привлечением компаниями из КНР китайской рабочей силы в ущерб занятости местного населения. Аналогичная ситуация наблюдается и на основных рынках, особенно на крупнейшем рынке Карасуу в Ошской области. По свидетельству А. Жапарова, приехавшие из КНР мигранты на юге оказывают ощутимое влияние на миграционные движения кыргызстанцев, вытесненных осваивающими рынок китайскими мигрантами (в т. ч. неквалифицированными рабочими: грузчиками, перевозчиками товаров для оптовых покупателей и т. п.) и вынужденных в поисках работы перемещаться в другие области КР или выезжать за пределы страны [55, р. 91].

Китайские мигранты в КР заняты, в первую очередь, в сфере рыночной торговли. Помимо Карасуу на границе с Узбекистаном ханьцы широко представлены на оптовом рынке Дордой-Джунхай в Бишкеке. На функционирующем с 2002 г. текстильном рынке Мадина наблюдается перевес китайских уйгуров. Со второй половины 2000-х гг. выходцы из КНР работают также в распределительном центре мебели и товаров для дома в регионе — совместном ОсОО Таатан в Бишкеке и филиале в Оше, а также в ТЦ «Гоин» в Бишкеке. По мнению А. Жапарова, приток мигрантов, занятых в сфере торговли и бизнеса, во многом объясняется их поддержкой со стороны китайского государства: выделением им льготных кредитов, товаров по ценам производителей, невысокими налоговыми сборами, материальным стимулированием успешных коммерсантов по линии государства [55, р. 82]. С другой стороны, собственно в СУАР КНР не наблюдалось значительного снижения безработицы в течение 2000-х гг. Официальная китайская статистика приводит цифру в 110 тыс. зарегистрированных безработных горожан в 2000 г. и 118,6 тыс. в 2009 г. (с максимальным уровнем безработицы до 4 % в Урумчи, в юго-западном Хотане, а также Кашгаре и Кызылсу-Кыргызской автономной области — непосредственно возле границ с КР) [25]. Точных данных по сельским жителям в официальной статистике не приводится. Численность сельских жителей в СУАР превышает численность горожан более чем в 1,5 раза, с максимальными показателями в Кашгарском и Хотанском округах (в 2009 г. городское население составляло свыше 8,6 млн, сельское — до 13 млн человек (из них в Кашгаре — 2,5, Хотане — 1,3 млн) [25, с. 83]). Это позволяет предположить, что уровень безработицы в Синьцзяне также являет-

ся одним из факторов, непосредственно влияющих на миграционные потоки в соседние государства региона, в том числе в Кыргызстан.

Официальные данные по китайской миграции в КР из разных источников (табл. 4), равно как и имеющиеся оценки экспертов, имеют значительные расхождения.

Согласно приведенным данным, основная часть граждан КНР в КР представлена трудовыми мигрантами. Резкий рост числа китайских граждан, получивших разрешение на работу в 2007—2008 гг., можно объяснить динамикой строительства инфраструктурных проектов в КР и осуществлением крупных проектов в горнодобывающей отрасли, равно как и дальнейшим развитием сферы бизнеса и торговли. Вид на жительство в соседней стране во второй половине 2000-х гг. стремились получить незначительное количество китайских граждан. Однако при этом с 2010 г. наблюдается почти двукратное увеличение данной категории прибывших из КНР, что, как представляется, обусловлено развитием торговли, мелкого и среднего китайского бизнеса. Как отметили в Департаменте внешней миграции МИД Кыргызстана, установлена официальная квота граждан КНР в КР (1700 человек), которая изначально была ориентирована на приток этнических кыргызов из СУАР. Однако основную массу получивших вид на жительство мигрантов составили ханьцы. Одновременно среди собственно граждан КР, согласно результатам переписей населения 1999 и 2009 гг., количество этнических ханьцев за десятилетие увеличилось в 2 раза (соответственно 900 и 1813 человек), а численность уйгуров составила соответственно 46 944 и 48 543 человек (0,9 % населения) [26].

Достоверность статистических данных по прибывшим гражданам КНР вызывает вопросы прежде всего потому, что талоны статистического учета регистрации, на основе которых она составлена, заполняются не всегда и несут в себе определенную условность [20, с. 51]. С численностью китайских граждан, приве-

денной Г. Турсунбаевой на основе данных Министерства труда Кыргызстана несколько расходятся цифры, озвученные китайским послом в КР Ван Кайвэнем. По его свидетельству, во второй половине 2000-х гг. ежегодно более 10 тыс. граждан КНР получали визы в КР для бизнеса, работы или учебы, однако при этом в 2010—2011 гг. их количество (студенты, работники торговли и бизнеса) несколько снизилось по причине внутренней нестабильности в КР [9].

Данные по числу мигрантов, приводимые центральноазиатскими экспертами, существенно выше официальных. Так, Н. Касенова называет цифру в 20—100 тыс. граждан КНР на территории КР в 2008 г., объясняя ее тем, что многие прибывшие остаются в КР с просроченными визами, въезжают из третьих стран, покупают документы на «черном» рынке или оформляют брак в КР [13, с. 24]. Сходные данные приводит и К. Сыроежкин, ссылаясь на пограничные службы КР: 60 тыс. граждан КНР на 2008 г., из них более 8 тыс. — нелегально [49, с. 115].

Таким образом, рост китайской миграции в КНР обусловлен, в первую очередь, развитием китайско-кыргызстанской торговли и китайского бизнеса в КР, поддерживаемого со стороны китайского государства, а также временным пребыванием на территории Кыргызстана рабочих и студентов из КНР. Нестабильность в КР в конце десятилетия не вызвала резкого и существенного снижения миграционных потоков. В определенной мере заниженные официальные данные по китайской миграции в КР можно объяснить как некоторыми вопросами статистического учета в данной области, так и сохраняющимися проблемами бюрократизма, «теневой» экономики и патернализма.

Заключение. В ближайшей перспективе отдельной проблемой китайско-кыргызстанского взаимодействия может стать вступление Кыргызстана в Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России, наметившееся в 2011 г. [36]. В отношении товаров, ввозимых

Таблица 4

Китайская миграция в КР (по данным официальных источников)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Граждане КНР, получившие официальное разрешение на работу (Департамент миграции МИД КР)	—	—	1066	5508	5445	6991	6498	6430 (на 01.09)
Граждане КНР, получившие вид на жительство (Департамент миграции МИД КР)	—	—	15	11	15	42	83	54 (на 01.09)
Прибывшие из КНР (на основе данных Государственной регистрационной службы при Правительстве КР)	—	11	21	27	36	43	49	—
Численность граждан КНР в КР (из отчетов архивов Министерства труда, занятости и миграции КР)	18 857	15 446	12 552	—	18 552	—	—	—

Источники: [20, с. 51; 26; 47; 50, с. 149].

из КНР в КР, применение тарифного режима ТС может означать рост цен на них. При этом массовый ввоз китайских товаров на территорию КР в конце 1990-х — 2000-е гг. привел к развитию зависимости Кыргызстана от дешевого китайского импорта и его последующего реэкспорта в другие страны Центральной Азии и СНГ.

На сдерживающее влияние тарифного режима ТС на китайский импорт указывает и снижение прироста ввоза товаров из КНР в Казахстан в 2010—2012 гг. (если до начала разветывания проекта Таможенного союза рост китайского импорта в Казахстан составлял 32 %, то в 2010 г. снизился до 19 %, в 2011 г. и вовсе упал до 2,6 %, на сентябрь 2012 г. поднялся лишь до 15 % [46]). О влиянии новых тарифов на китайско-казахстанскую торговлю косвенно свидетельствует и тенденция роста экспорта КР в Казахстан и, собственно, реэкспорта китайских товаров на фоне увеличения их импорта в КР в 2011—2012 гг. (Импорт из КР в Казахстан, по данным статистики Кыргызстана, составлял 140,6 млн дол. США в 2009 г., увеличился до 181,7 млн дол. в 2010 г. и до 289,7 млн дол. США в 2011 г. [20, с. 238].) Как известно, пошлины на товары, ввозимые из Кыргызстана на территорию ТС, в этот период были нулевыми.

Вступление КР в Таможенный союз может в перспективе сказаться на сложившейся схеме функционирования крупных рынков, ориентированных на реэкспорт китайских товаров, — прежде всего Карасуу на юге и Дордой в Бишкеке. Последний обеспечивает до $\frac{1}{4}$ ВВП Кыргызстана, 80 % из всей реализуемой здесь продукции является импортной [53, с. 69]. Данные рынки на протяжении 2000-х гг. развивались прежде всего как центры неформальной торговли в стране. По сведениям экспертов Национального института стратегических исследований Кыргызской Республики, в 2010 г. объемы «теневой» торговли в КР составили более 3500 млн дол. США, из них более 2900 млн дол. США (т. е. около 83 %) приходилось на товары, реэкспортированные в Казахстан и Российскую Федерацию, т. е. по каналам рынка Дордой, который обеспечивает до 80 % реэкспорта. В 15 тыс. магазинах рынка Дордой занято более 35 тыс. человек — в основном это неквалифицированная рабочая сила [53, с. 70]. В случае введения таможенных пошлин ТС сложившаяся ориентация крупномасштабных рынков на импортированные китайские товары теоретически может серьезно повлиять на схему реэкспорта и одновременно привести к росту безработицы и всплеску социальной напряженности в КР — а соответственно, сказаться и на стабильном развитии китайского северо-запада.

С другой стороны, развитость «теневое» сектора экономики в Кыргызстане и широкая представленность в нем сферы торговли

(91 % неучтенной занятости в КР [53, с. 55]), быстрая адаптация каналов неформальной торговли к резким изменениям ситуации на рынке, патернализм в отношении китайского бизнеса могут привести к сохранению важности импорта из КНР в экономике Кыргызстана. При присоединении к ТС кыргызская сторона имеет возможность выступать за постепенную модификацию внешних таможенных тарифов, которая серьезно не изменит масштабы китайско-кыргызской торговли в краткосрочной перспективе.

По свидетельству посла КНР в КР Ван Кайвэня, после вступления в силу правил ТС для китайской стороны стало «не так удобно» продавать товары Кыргызстану в целях их последующего реэкспорта [30]. По его мнению, а также по мнению опрошенных автором экспертов Академии общественных наук СУАР КНР (Пань Чжипин, Ху Хунпин), в возникающих новых условиях для Китая важно «выйти» на территорию КР, поощряя создание совместных предприятий и развитие крупного китайского бизнеса. Более активные действия в данной области могут характеризоваться как новый подход в стратегии КНР в КР и регионе. О начале реализации такого подхода свидетельствует и ускорение решений китайской стороны по участию в строительстве на территории КР инфраструктурных объектов, линий электропередач, крупных производственных предприятий, присутствию китайских компаний в горнодобывающем секторе. Строительство железной дороги Китай—Кыргызстан—Узбекистан в соответствии с интересами и предложениями китайской стороны также может способствовать росту влияния КНР в регионе. Однако в этом случае не исключена жесткость позиций Казахстана, для которого данная магистраль является конкурирующим транспортно-логистическим проектом, равно как и Российской Федерации, для которой стратегическое присутствие Китая в регионе и возможность строительства дороги с шириной колеи, не соответствующей сложившимся в СНГ стандартам, является прямой угрозой безопасности.

Проведенное ситуационное исследование китайско-кыргызстанских отношений в 2001—2012 гг. позволяет сделать следующие **выводы**.

В первой половине 2000-х гг. внешнеполитическая стратегия Китая в отношении КР опиралась на окончательное пограничное урегулирование как первостепенную проблему безопасности юго-запада СУАР. После решения пограничных вопросов важной проблемой, с точки зрения государственной безопасности КНР, осталось наличие в КР американской авиабазы. С 2004 г. новый этап реализации китайской стратегии в КР характеризовался наращиванием двусторонней торговли в целях ускоренного развития СУАР и обозначением иных сфер сотрудничества в зависимости от интересов ки-

тайского бизнеса и перспектив инвестиционного климата в КР. Внутриполитические изменения в КР 2005 г. были непредвиденными для КНР и вызвали некоторое снижение темпов реализации данной стратегии.

Полноценное возобновление политических связей государств в 2006 г. позволило Китаю приступить к новому этапу расширения своего присутствия в КР, начиная с 2007 г. Активизация отношений помимо очевидного усиления торгово-экономической составляющей включала также весомое участие Китая в транспортно-логистических и горнодобывающих проектах КР. Мировой экономической кризис и последовавшая смена политической элиты КР не повлияли значительным образом на объемы взаимной торговли, а начало функционирования Таможенного союза стало одной из причин роста китайского экспорта в КР в целях его последующего реэкспорта.

Тенденции дальнейшей активизации КНР в транспортно-коммуникационном, электро-

энергетическом, строительном секторах КР в 2011–2012 г., выраженные акценты на сфере безопасности и осуществление крупных бизнес-проектов свидетельствуют о возможном начале третьего этапа реализации стратегии КНР в КР и регионе как реакции на обозначившиеся интеграционные процессы (Таможенный союз) и потенциальные изменения ситуации вокруг безопасности в Центральной Азии после 2014 г. При этом возможное вступление КР в ТС может негативно сказаться на занятости населения в торговом секторе экономики и, соответственно, привести к всплеску социальной напряженности в КР, нежелательном для самого Китая. Однако возможность КР использовать постепенную модификацию внешних таможенных тарифов при вступлении в ТС, а также, с другой стороны, развитость и адаптивность неформальной торговли могут содействовать сохранению масштабов китайского импорта в КР в краткосрочной перспективе.

Литература

1. Атамбаев посетил СУАР КНР [Электронный ресурс] // Вечерний Бишкек. — Режим доступа: <http://www.vb.kg/doc/198469_atambaev_posetil_sinczian_yuygrskiy_avtonomnyu_rayon_knr.html>. — Дата доступа: 28.10.2012.
2. Абдылдаев, Э. Кыргызско-китайские отношения — пауза закончилась / Э. Абдылдаев [Электронный ресурс] // Институт общественной политики. — Режим доступа: <<http://ipp.kg/ru/news/725/>>. — Дата доступа: 13.10.2012.
3. Тохунбай, А. Циэрцзисысытань: Чжунго си бу линцзю = Кыргызстан: западный сосед Китая / А. Тохунбай. — Сынъзян шэхуэй кэсюеюань Чжунъя яньцзюсю = Институт по изучению Центральной Азии при Академии общественных наук СУАР КНР, 2004. — 322 с. (на кит. яз.).
4. Богатуров, А. Д. Центральная Азия: отложенный нейтралитет и международные отношения в 2000-х годах. Очерки текущей политики / А. Д. Богатуров, А. С. Дундич, Е. Ф. Троицкий. — М.: НОФМО, 2010. — 104 с.
5. В Баткенской области состоялось очередное распределение ресиверов цифрового вещания [Электронный ресурс] // Право и СМИ в Центральной Азии. — Режим доступа: <<http://medialawca.org/old/node/3362>>. — Дата доступа: 10.06.2012.
6. Внешняя торговля Кыргызской Республики 2006–2010 гг. (статистический сборник) / Нац. стат. комитет Кыргыз. Респ. — Бишкек, 2011. — 162 с.
7. Высокое качество дороги для нас важнее всего (интервью с генеральным директором представительства CRBC в Кыргызстане Чжаном Цзюнью) // Вечерний Бишкек. — 2010. — 10 янв. — С. 2.
8. Дополнительное соглашение между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой о кыргызско-китайской государственной границе (26.08.1999 г.) [Электронный ресурс] // Информационная система Параграф. — Режим доступа: <http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30275497>. — Дата доступа: 10.08.2012.
9. Ежегодно в Кыргызстан приезжают более 10 тыс. граждан Китая [Электронный ресурс] // Кыргызское телеграфное агентство. — Режим доступа: <<http://www.kyrtag.kg/?q=news/13733>>. — Дата доступа: 10.11.2012.
10. Завершен проект по реабилитации автодороги Ош—Сары-Таш—Иркештам [Электронный ресурс] // Группа реализации инвестиционных проектов Министерства транспорта и коммуникации Кыргызской Республики. — Режим доступа: <<http://riumotc.kg/ru/news/115>>. — Дата доступа: 18.11.2012.
11. Институт Конфуция [Электронный ресурс] // Бишкекский гуманитарный университет. — Режим доступа: <<http://bhu.kg/institute.php?id=2>>. — Дата доступа: 10.11.2012.
12. Итоги рабочего визита президента А. Атамбаева в Урумчи (03.09.2012) [Электронный ресурс] // Общественная телерадиовещательная корпорация Кыргызской Республики. — Режим доступа: <<http://ktrk.kg/rus/index.php?newsid=7434>>. — Дата доступа: 22.11.2012.
13. Касенова, Н. Новый международный донор: помощь Китая Таджикистану и Кыргызстану / Н. Касенова. — Париж: IFRI Центр Россия / ННГ, 2009. — 31 с.
14. Кашэ чжи Йэркэшэтань коуань гаосу гуягу сянму гайкуан = Проект высокоскоростной автомагистрали Кашгар—Иркештам: общие сведения [Электронный ресурс] // Сынъзян вэйзэр цычжицзо цзяотун тин = Управление транспорта СУАР КНР. — Режим доступа: <<http://subsite.xjtt.gov.cn/gcglc/show.aspx?ID=25098>>. — Дата доступа: 09.09.2012. (на кит. яз.).
15. Китайская сторона рассматривает месторождения Сандык и Иштамберды взамен инвестиций в строительство железной дороги Китай—Кыргызстан—Узбекистан [Электронный ресурс] // Са-сопрго. — Режим доступа: <<http://ann.kg/news/10626/китайская-сторона-рассматривает-месторождения-сандык-и-иштамберды-взамен-инвестиций-в-жд>>. — Дата доступа: 10.11.2012.
16. Китайский кредит в 390 млн дол. США на проект «Датка—Кемин» передали НЭСК [Электронный ресурс] // Вечерний Бишкек. — Режим доступа: <http://www.vb.kg/doc/194414_kitayskiy_kredit_v_390 mln_na_proekt_datka_kemin_peredali_nesk.html>. — Дата доступа: 10.11.2012.
17. Кыргызская Республика: проект улучшения регионального дорожного коридора ЦАРЭС [Электронный ресурс] // Министерство транспорта и коммуникации Кыргызской Республики. — Режим доступа: <http://sk-road.com/yahoo_site_admin/assets/docs/_17_Quarterly_report_russian_final_new.22790957.pdf>. — Дата доступа: 19.11.2012.

18. Кыргызстан цифралаарда: статистикалык жыйнак = Кыргызстан в цифрах: стат. сб.: 2003 / Кыргыз Республикасынын Улуттук статистика комитети = Нац. стат. комитет Кыргыз. Респ. — Бишкек, 2003. — 326 с. (на кыргыз. яз.)
19. Кыргызстан в цифрах: стат. сб.: 2006 / Нац. стат. комитет Кыргыз. Респ. — Бишкек, 2006. — 327 с.
20. Кыргызстан в цифрах: стат. сб.: 2012 / Нац. стат. комитет Кыргыз. Респ. — Бишкек, 2012. — 331 с.
21. Личное послание председателя КНР Цзян Цземиня Президенту КР Аскарму Акаеву (04.08.2000). Переписка Президента с главами иностранных государств 2000 г. // Архив Президента Кыргызской Республики. — Фонд 1. — Оп. 1. — Д. 17-19. — Т. 1. — Л. 118—122.
22. «МС» — Новая китайско-кыргызская граница. Конституционный суд задумался — кто виноват? [Электронный ресурс] // Новостной портал ЦентрАзия. — Режим доступа: <<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1046335980>>. — Дата доступа: 12.10.2012.
23. На участке автодороги с 9 по 272 км выполнено порядка 74 % всех работ [Электронный ресурс] // Группа реализации инвестиционных проектов Министерства транспорта и коммуникации КР. — Режим доступа: <<http://piumotc.kg/ru/news/113>>. — Дата доступа: 18.11.2012.
24. Объем внешней торговли по странам за 2011 г. [Электронный ресурс] // Государственная таможенная служба при Правительстве Кыргызской Республики. — Режим доступа: <<http://www.customs.kg/index.php/ru/custstat/tabiform/104-2011g/277-obvntstr2011g>>. — Дата доступа: 15.10.2012.
25. Пань, Чжипин. Синьцзян чжоубянь гоцзя шитай = СУАР: ситуация в приграничных государствах / Чжипин Пань // Урумчи-Синьцзян жэньминь чубаньшэ = Народ. изд-во Синьцзяна, 2009. — 180 с. (на кит. яз.).
26. Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики, 2009 г. [Электронный ресурс] // Статистика ООН. — Режим доступа: <<http://www.unstats.un.org/unsd/demographic/meetings/wshops/.../Kyrgyzstan.ppt>>. — Дата доступа: 03.09.2012.
27. Повестка дня заседания парламентской фракции «Ата Мекен» 2 марта 2011 г. [Электронный ресурс] // Парламент Кыргызской Республики. — Режим доступа: <http://www.kenesh.kg/Articles/892-Povestka_dnya_zasedaniya_parlamentskoj_frakcii_Ata_Meken_2_marta_2011_goda.aspx>. — Дата доступа: 18.11.2012.
28. Политическое сотрудничество [Электронный ресурс] // Посольство Кыргызской Республики в Китайской Народной Республике. — Режим доступа: <<http://web87381.vhost056.cn/ru/content.asp?cid=278&id=191>>. — Дата доступа: 13.10.2012.
29. Полностью завершена демаркация кыргызско-китайской границы [Электронный ресурс] // Новостной портал ЦентрАзия. — Режим доступа: <<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1095387720>>. — Дата доступа: 12.10.2012.
30. Посол Китая в КР Ван Кайвэнь: «Нам нужен еще один коридор — центральноазиатский» (интервью 14 июня 2012 г.) [Электронный ресурс] // Общероссийский народный фронт. — Режим доступа: <<http://rus.kg/news/analytics/5206-rosol-kitaya-v-kr-van-kayven-nam-nuzhen-esche-odin-koridor-centralnoaziatskiy.html>>. — Дата доступа: 21.10.2012.
31. По требованию жителей Терек-Сай месторождение Иштанберди временно приостановило свою деятельность [Электронный ресурс] // Gezitter. — Режим доступа: <http://www.gezitter.org/economics/4497_po_trebovaniyu_jiteley_terek-say_mestorojdenie_ishtanberdi_vremenno_priostanovilo_svoyu_deyatelnost/>. — Дата доступа: 10.11.2012.
32. Правительство Китая выделяет Кыргызстану грант в 5 млн юаней для подготовки кадров [Электронный ресурс] // Международное радио Китая. — Режим доступа: <<http://russian.cri.cn/841/2012/07/06/1s433892.htm>>. — Дата доступа: 22.11.2012.
33. Программа сотрудничества между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой на 2004—2014 г. (от 21 сентября 2004 г.) [Электронный ресурс] // Антитеррористический центр: Государственный комитет национальной безопасности Кыргызской Республики. — Режим доступа: <<http://www.atc.kg/doc/shos/16>>. — Дата доступа: 13.10.2012.
34. Проект реабилитации автодороги Ош—Сары-Таш—Иркештам: финансирование [Электронный ресурс] // Группа реализации инвестиционных проектов Министерства транспорта и коммуникации Кыргызской Республики. — Режим доступа: <http://piumotc.kg/ru/osi_financing/>. — Дата доступа: 28.10.2012.
35. Региональный проект USAID по либерализации торговли и таможенной реформе (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан): отчет / К. Рахимов, Б. Рахимов, Б. Айтуганов, Р. Конгурбаев. — Бишкек, 2010. — 93 с.
36. Решение Межгосударственного совета ЕврАзЭС от 19 октября 2011 г. «О присоединении Кыргызской Республики к Таможенному союзу в рамках ЕврАзЭС» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <http://www.tsouz.ru/KTS/KTS32/Documents/P_842.pdf>. — Дата доступа: 10.04.2012.
37. Синьцзян Кашэ цзинцзи тэцю и цянэ тоуцзы сеи 183.3. и = Подписаны соглашения об инвестициях на сумму 18,33 млрд юаней в особую экономическую зону Кашгаре [Электронный ресурс] // Улумуци синьвэнь синьдао = Новостной телеканал Урумчи. — Режим доступа: <<http://www.ucatv.com.cn/html/news/5/201201/14-156276.html>>. — Дата доступа: 20.10.2012. (на кит. яз.).
38. Синьцзян тунцзи няньцзянь = Статистический ежегодник Синьцзяна / Синьцзян Вэйуэр цзицжицю тунцзи цзюбянь = Статистическое бюро СУАР. — Пекин-Чжунго тунцзи чубаньшэ = Статистика Китая, 2010. — 858 с. (на кит. яз.).
39. Совместная декларация КНР и КР о дальнейшем углублении отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества (14.08.2007 г.) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. — Режим доступа: <<http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t351874.htm>>. — Дата доступа: 13.10.2012.
40. Совместная декларация между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой (10.06.2006 г.) [Электронный ресурс] // Уйгуры Бельгии. — Режим доступа: <http://uyt.com/ru/1/320_1.shtml>. — Дата доступа: 13.10.2012.
41. Совместная декларация президента Кыргызской Республики и КНР (05.06.2012) [Электронный ресурс] // Аналитический ресурс для политиков Vesti.kg. — Режим доступа: <http://www.vesti.kg/index.php?option=com_k2&view=item&id=13084:sovmetstnaya-deklaratsiya-kyrgyzskoy-respubliki-i-kr&Itemid=83&tmpl=component&print=1>. — Дата доступа: 15.06.2012.
42. Совместное коммюнике правительства Китайской Народной Республики и правительства Кыргызской Республики (23.09.2004 г.) [Электронный ресурс] // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. — Режим доступа: <<http://kz.china-embassy.org/rus/ztdb/wenchufang/t160393.htm>>. — Дата доступа: 13.10.2012.
43. Соглашение между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой о кыргызско-китайской государственной границе (04.07.1996 г.) [Электронный ресурс] // Информационная система Параграф. — Режим доступа: <http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30589979>. — Дата доступа: 10.08.2012.
44. Соглашение между Республикой Казахстан, Китайской Народной Республикой и Кыргызской Республикой о точке стыка государственных границ трех государств (25.08.1999 г.) / Сыроежкин, К. Л. Казахстан — Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству: монография. В 3 кн. Кн. 3. Сборник документов / К. Л. Сыроежкин. — Алматы: КИСИ, 2010. — С. 144—146.
45. Сравнительные данные внешней торговли за январь—июнь 2011—2012 гг. [Электронный ресурс] // Государственная таможенная служба при Правительстве Кыргызской Республики. — Режим доступа: <<http://www.customs.kg/index.php/ru/custstat/tabiform/139-sravdan/316-srdnvntrg>>. — Дата доступа: 15.10.2012.

46. Статистические данные по экономике КНР 2008—2012 гг. [Электронный ресурс] // Министерство коммерции КНР. — Режим доступа: <<http://ozs.mofcom.gov.cn/article/date/?2907610338=371976497>>. — Дата доступа: 23.10.2012.
47. Статистический ежегодник Кыргызской Республики / Нац. стат. комитет Кыргыз. Респ. — Бишкек, 2011. — 435 с.
48. Стенограмма круглого стола «Взаимоотношения между Китаем и Кыргызстаном после 24 марта 2005 года» [Электронный ресурс] // Институт общественной политики. — Режим доступа: <http://ipp.kg/admin/mod/html_edit/ktml2/files/uploads/RT_25_May_RUS.pdf>. — Дата доступа: 13.10.2012.
49. Сыроежкин, К. Казахстан — Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству: монография. В 3 кн. Кн. 2: В формате стратегического партнерства / К. Сыроежкин. — Алматы: КИСИ, 2010. — 384 с.
50. Турсунбаева, Г. Э. Кыргызско-китайские отношения в 1991—2009 гг.: от двустороннего сотрудничества к многовекторному партнерству: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Г. Э. Турсунбаева. — Бишкек, 2012. — 181 с.
51. Чжунхуа жэньминь гунхэго хэ Цзиэрцзисы гунхэго мулинью юао хэцзо тяюе = Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и КР (24.06.2002 г.) [Электронный ресурс] // China Baike. — Режим доступа: <<http://www.chinabaik.com/law/gjt/1429385.html>>. — Дата доступа: 12.10.2012 (на кит. яз.).
52. Чжунъян цзюедин цзю цзюаньго чжи ли цзяньшэе Синьцзян шэ Кашэ цзинцзи тэцю = Центр принял решение о строительстве Кашгарской специальной экономической зоны в СУАР всеобщими силами государства [Электронный ресурс] // Цзмньжун цзе = Мир финансов. — Режим доступа: <<http://finance.jrj.com.cn/2010/05/2111237507266.shtml>>. — Дата доступа: 09.09.2012 (на кит. яз.).
53. Экономические последствия вступления Кыргызстана в Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России: анализ воздействия / Нац. ин-т стратег. исследований Кыргыз. Респ. — Бишкек, 2012. — 81 с.
54. Full Gold Mining начала добычу золота в Киргизии (02.10.2011 г.) [Электронный ресурс] // Горнопромышленный портал России. — Режим доступа: <<http://www.miningexpo.ru/news/17956>>. — Дата доступа: 10.11.2012.
55. Zhararov, A. The Issue of Chinese Migrants in Kyrgyzstan / A. Zhararov // The China and Eurasia Forum Quarterly. — 2009. — Vol. 7, N 1. — P. 79—91.

«Эволюция китайско-кыргызстанских отношений в 2001—2012 гг.: тенденции и перспективы» (Мария Данилович)

В последнее десятилетие роль Центральной Азии во внешней политике Китайской Народной Республики значительно возросла. Внешние и внутренние факторы обуславливают изменения темпов и методов реализации внешнеполитической стратегии КНР по всем приоритетным направлениям.

В статье рассматриваются китайско-кыргызские отношения в 2001—2012 гг. По мнению автора, Кыргызская Республика представляет собой одно из ключевых государств региона для осуществления центральноазиатской стратегии Китая. Статья представляет собой ситуационный анализ политического (в т. ч. военно-политического), торгово-экономического (по отраслям) и культурно-гуманитарного сотрудничества обоих государств. В ней также проводится анализ тенденции изменений китайской миграции в Кыргызской Республике и дается прогноз развития китайско-кыргызстанских отношений в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

«The Evolution of Relations between China and Kyrgyzstan in 2001—2012: Tendencies and Prospects» (Maryia Danilovich)

The role of Central Asia in Chinese foreign policy has significantly increased over the last decade. Internal and external factors determine the changes both in the pace and methods of Chinese foreign strategy implementation in all the main directions.

The article examines relations between China and Kyrgyzstan in 2001—2012. According to the author, the Kyrgyz Republic is one of the core countries of the region for implementation of Central Asian strategy of China. The article is a case-study of political (including military), trade and economic (by sectors), cultural and humanitarian inter-state cooperation of the two countries. It also presents an analysis of changing tendencies in the Chinese migration to Kyrgyzstan as well as a prediction of relations development between China and Kyrgyzstan in the short- and medium-term prospects.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2012 г.